

КУЛЬТУРА

Анджей Вайда: «Нельзя отворачиваться от мира»

Знаменитый кинорежиссер хочет снять фильм на современном материале

Екатерина Барабаш

В Москву приезжает великий польский режиссер **Анджей Вайда**. Отец Вайды, офицер польской армии, был расстрелян в одном из советских лагерей. Может, потому, что эта тема слишком болезненна для него, Вайда все никак не может приступить к фильму о Катыни. Его первые картины – «Поколение», «Канал», «Пепел и алмаз» – соединились в трилогию о военной судьбе сверстников. Потом были «Человек из железа» и «Человек из мрамора», в которых он на актуальном материале пытается решить вечную проблему противостояния человека и государственной машины. В последние годы Вайда обращается к историческому материалу. Накануне приезда в Москву Анджей Вайда дал эксклюзивное интервью обозревателю «НГ».

Пан Вайда, вы в молодости учились на художника и практически стали им. Что вас повернуло в сторону кинорежиссуры?

– Это сложилось в результате стольких обстоятельств, что сегодня трудно назвать причину однозначно. Я искал свое место в том, послевоенном мире. Хотел действовать, а кино – это действие.

– Три года назад вы получили «Оскара» за вклад в мировой кинематограф. Означает ли это, что Голливуд окончательно признал европейское

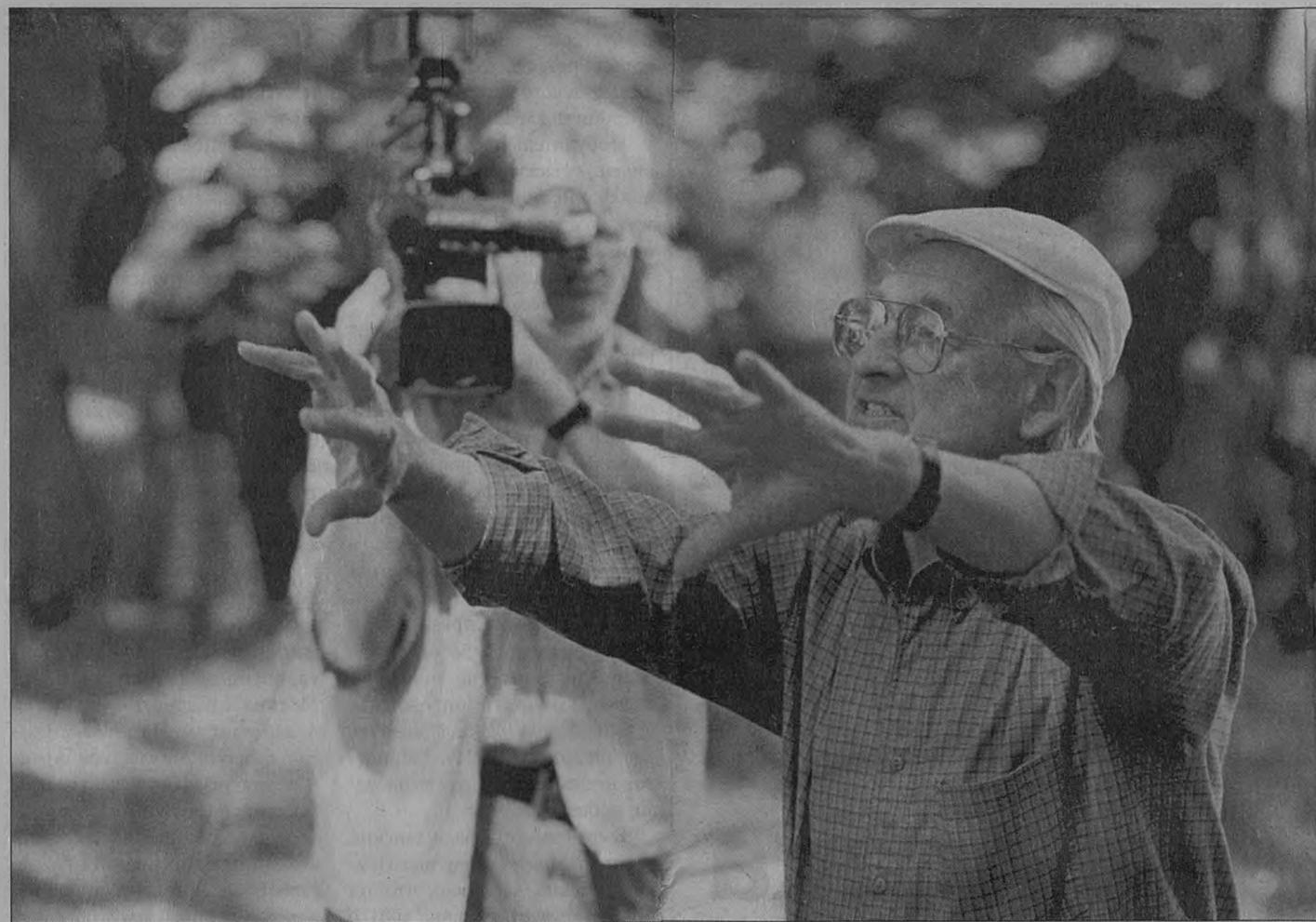
кино, «смирился» с ним? Или вы расцениваете это как признание ваших личных заслуг? – Голливуд наградил «Оскаром» многих европейских режиссеров, мэтров кино: Феллини, Бергмана, Антониони. Американское кино никогда не было для меня воплощением коммерции и дешевки. В Голливуде создавались также и шедевры мирового кино. Получая «Оскара», я обращался мыслями именно к этим фильмам и их создателям, поэтому я горжусь тем, что американская кинематография заметила мои фильмы и меня как европейского режиссера.

– Какое кино в Польше «перевешивает» по части зрительского интереса – польское или американское?

– На польских экранах, как и по всей Европе, идут преимущественно американские фильмы, но некоторые наши фильмы завоевали многомиллионную аудиторию, что означает, что польский зритель ждет появления на экране польского фильма.

– Два ваших самых политизированных фильма – «Человек из железа» и «Человек из мрамора» – в свое время обвиняли в политической сиюминутности и излишней злободневности. Но мне кажется, что в этих картинах политика стоит все же не на первом месте, в них так много скрытого романтизма... Это так?

– Трудно сказать о «Человеке из мрамора», что он был снят на злобу дня, раз сценарий этого фильма ждал реализации, то есть позволения политических властей ПНР на съемки, в течение 12 лет. Я снимал эти фильмы с мыслью не о политике, а о

Пан Вайда руководит процессом.

Фото предоставлено посольством Польши в Москве

людях, которые зависят от политики, – это большая разница. Поэтому оба эти фильма смотрятся еще и сегодня, в чем московские зрители смогут сами убедиться.

– Прошли времена социализма, которые вы критиковали в этих фильмах. Ушла ли вместе с ними проблема отношений художника с властью?

– Сегодня в Польше ни одна группировка не предполагает

использовать кино для достижения своих целей, все делают это при помощи телевидения, которое может реагировать немедленно на политические события, и поэтому оно является более действенным инструментом.

– Во многих своих фильмах – например, в таких, как «Без наркоза», «Девочка Никто» и других, – вы словно предупреждаете об опасности

«скромного обаяния буржуазии». Такая опасность для вас до сих пор актуальна?

– Нет, поскольку никакая буржуазия нами не управляет. Нами управляет в экономике – свободный рынок, а в политике – дешевый популизм, который уничтожает и справа и слева польские реформы, так удачно начатые Мазовецким и Бальцеровичем в 1989 году. А фильмы? «Без наркоза» и «Девочка Никто»

были созданы в двух совершенно разных эпохах, которые трудно сравнивать.

– Слышала, что вы остались недовольны экранизацией «Бесов». Почему?

– Да, это правда. Достоевский на сцене выражается посредством диалога, который является основой театра; кино же тянет в сторону образов, которые не выражают мысли этого великого писателя. В результате на эк-

ран вторгается «достоевщина», самый большой враг Достоевского.

– В большинстве ваших фильмов очень явно видна любовь к Польше. Но при этом многие из ваших последних картин довольно жестоки по отношению к полякам. В «Приговоре Франциску Клосу», в «Страстной неделе» вы развенчиваете миф о героической солидарности польского народа во время Второй мировой войны. А надо ли вообще развенчивать такие красивые мифы?

– В Польше существует целый ряд литературных произведений, написанных после войны, которые показывают правду о том, как выглядели немецкая оккупация и разного рода формы сотрудничества с оккупантами. Польские писатели Анджеевский, Налковская, Боровский, Ян Юзеф Щепаньский и многие другие знали, что независимо от героизма, который был огромен и повсеместен, нужно показать и негативную сторону, поскольку вокруг не только святые. Я не мог снять эти фильмы тогда, поэтому решил реализовать их сейчас, в убеждении, что они остаются актуальными.

– На вашем счету так много исторических фильмов (причем «Пан Тадеуш», как я слышала, собрал в Польше около 8 миллионов зрителей), что хочется спросить: сегодняшний день вам совсем неинтересен?

– Это правда, «Пана Тадеуша» посмотрели 7,5 миллиона зрителей. Но современный фильм – это именно то, к чему я стрем-

люсь. Просматривая фильмы моих молодых коллег, я, однако, вижу, что это не так-то легко. Перемены в Польше огромные, и необычайно трудно сегодня схватить самое существенное. Кино ведь не может повторять то, что показывают польские телесериалы.

– Как обстоят дела с фильмом о катынской трагедии? Как, по-вашему, найти ту верную ноту, которая не пустит в фильм ни грамма спекулятивности?

– Думаю, что для ответа потребовалось бы немного больше места, потому что катынская трагедия тесно связана с политикой и историей. В самом сжатом виде могу сказать, что намереваюсь представить на экране кого-то, кто идет по следам этого преступления и сам становится его жертвой.

– В одном из интервью вы сказали: «Если бы, как настаивали некоторые безумцы, мы противостояли молчаливым и не делали фильмов, спектаклей, не сочиняли книг и музыки, Польша была бы сегодня... Белоруссией». Что вы имели в виду?

– Я имел в виду, что нельзя отворачиваться от мира, который вокруг нас, независимо от того, насколько он нам нравится. К прежней пээнэровской жизни нет возврата, она исчезла и не вернется. Мир изменился, и только в этом мире Польша может искать свое новое место. За это мы боролись своими фильмами. ■

Редакция «НГ» благодарит посольство Республики Польша в России за содействие в организации интервью.